

УДК 340

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

© 2024 г. Н. В. Панкевич

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.07.2024 г.

Аннотация. Статья выявляет ключевые институциональные и смысловые компоненты европейского подхода к формированию и регулированию исторической памяти. Европейская историческая память анализируется в совокупности национального и общеевропейского управления. Показано, что на современном этапе данный смысловой комплекс инструментализируется в целях перераспределения полномочий между уровнями управления ЕС и способствует его централизации. Историческая парадигма ЕС рассмотрена как составляющая европейского геополитического проекта. Установлен искажающий потенциал европейской политики памяти в отношении целевых стран, включая Российскую Федерацию, и конкретные механизмы инструментализации исторической памяти, задействованные ЕС. Показан наступательный характер этой стратегии, требующий системного ответа.

Ключевые слова: историческая память, мнемонический конституционализм, законы о памяти, политика памяти, суверенное государство, Европейский Союз, европейская интеграция, политика добрососедства, Европейский парламент.

Цитирование: Панкевич Н.В. Институциональные и смысловые компоненты европейского подхода к формированию и регулированию исторической памяти // Государство и право. 2024. № 12. С. 132–145.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224120135

INSTITUTIONAL AND SEMANTIC COMPONENTS OF THE EUROPEAN APPROACH TO THE FORMATION AND THE REGULATION OF HISTORICAL MEMORY

© 2024 N. V. Pankevich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Received 20.07.2024

Abstract. The article identifies the key institutional and semantic components of the European approach to the formation and regulation of historical memory. European historical memory is analyzed in the aggregate of national and European governance. It is shown that at the present stage, this semantic complex is instrumentalized in order to redistribute powers between the levels of EU governance and contributes to its centralization. The article considers historical paradigm of the EU as a component of European geopolitical project. It establishes the distorting potential of the European memory policy in relation to target countries, including the Russian Federation, and discovers specific mechanisms of instrumentalization of historical memory involved by the EU. The militant nature of this strategy, which requires a systemic response, is shown.

Key words: historical memory, mnemonic constitutionalism, memory laws, memory policy, sovereign state, European Union, European integration, neighborhood policy, European Parliament.

For citation: Pankevich, N.V. (2024). Institutional and semantic components of the European approach to the formation and the regulation of historical memory // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 132–145.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Введение

Экзистенциальный характер противостояния Российской Федерации и ее оппонентов признается сегодня представителями обеих сторон¹. Фундаментальность проблемы не исчерпывается объемом материальных и экономических интересов и выходит за рамки поиска политических балансов в пространстве совместной периферии крупнейших геополитических акторов или в глобальной конкуренции. Противостояние приобретает витальный характер с тем, что в настоящее время легитимация политических стратегий обеих сторон производится с позиций уникальных ценностных оснований², которыми нельзя поступиться в поиске дипломатических или даже силовых решений. Таким образом, в центре конкурентных стратегий оказывается их гуманитарная компонента, определяющая способности сторон к ценностному утверждению своих устремлений и фиксации достигнутых результатов в качестве морально безупречных и справедливых.

В этом движении противостоящие сообщества теряют свою предполагаемую производность от открытого к присоединению общественного договора и вновь зряко тяготеют к формату «сообществ судьбы»³, который ранее рассматривался исследователя-

ми как в целом преодоленный⁴. Одновременно их фундаментальные основы приобретают сакральное измерение, корни которого уходят в глубины истории. Опыт развития и взаимодействия с миром, его уроки, победы и поражения ложатся в фундамент конституционного строительства, отражая глубинную суть политического сообщества.

Современный аксиологический поворот позволяет предположить, что присущая каждому сообществу уникальная историческая парадигма начинает выполнять функцию продуцента политических и правовых факторов, задавая пределы возможностей и автономии как правительственные центры, так и граждан или их ассоциаций. Авторитет и легитимность правительственные структур погружаются в рамки институционально и содержательно определенного режима памяти. В рамках этой парадигмы формулируются принципы единства в настоящем и консенсусные стратегии будущего развития. Как формулирует эту технику Х. Арендт, легитимность власти апеллирует к прошлому, тогда как обоснование ее действий связано с целями, лежащими в будущем⁵.

В этом смысле становится возможным говорить о своеобразном явлении «мнемонического конституционализма»⁶ как ценностного ограничения и подчинения власти и граждан превосходящему смысловому комплексу, который исходит

¹ См.: Дериглазова Л.В. «Распалась связь времён»: ЕС и Россия в поисках себя во времени // Россия в глобальной политике. 2023. № 5. С. 124.

² См.: Бабурин С.Н. Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 40–47.

³ Held D. Law of States, Law of Peoples: Three models of Sovereignty // Legal Theory. 2002. No. 8. Pp. 1–44.

⁴ См.: Benhabib S. The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens. New York, 2004. Pp. 2, 11, 211.

⁵ См.: Arendt H. Crises of the Republic: Lying in Politics; Civil Disobedience; On Violence; Thoughts on Politics and Revolution. New York, London, 1972. P. 161.

⁶ Belavusau U. Law and the Politics of Memory // Handbook on the Politics of Memory / ed. by M. Mälksoo. Edward Elgar, 2023. Pp. 65–80.

из признания достоинства предыдущих поколений и их коллективного вклада в материальное и духовное развитие сообщества. Приобретая характер сверхрегулятора, определенный исторический нарратив далее воспроизводится всеми институтами общественной системы, на всех уровнях стратегического планирования и правового регулирования.

Таким образом, историческая память становится ключевой составляющей консолидации общества, обеспечения согласия социума и его правительенного центра. Возникающие антагонизмы и конфликты теряют значительную долю остроты на фоне подлежащего общественного единства, функционирующего в длительном историческом времени. Специфической задачей исторической парадигмы становится, с одной стороны, обоснование и укрепление идентитарных ресурсов через апелляцию к уникальной исторически возникающей системе ценностей и опыта. С другой стороны, апелляция к историческому развитию, к уникальному духовному и ценностному строю служит обоснованию автономии социума на фоне других сообществ.

В этом качестве техника обращения к прошлому была и остается тесно связанный с институтом суверенного государства⁷, составляя фундамент республиканской модели гражданства как осознанной принадлежности к транспоколенческой общности народа. Однако крупные интеграционные процессы вносят существенные изменения в данный формат, открывают новые перспективы и возможности в конкуренции на этом поле. Обращение к анализу правового регулирования в области исторической памяти в Европейском Союзе сегодня позволяет установить некоторые тенденции в ее адаптации к задачам функционирования «мнемонического конституционализма» в интеграционных объединениях, превосходящих государство. Потребность в учете этого направления европейской политики сегодня существенно возрастает, поскольку, во-первых, в институциональном измерении оно является предпосылкой становления крупного актора, чьи цели и стратегии в евразийском пространстве все менее согласуются с современным российским курсом. Во-вторых, на содержательном уровне имеет выраженный потенциал искажения принципиально значимых для Российской Федерации объективных исторических факторов.

Историческая память как метафактор правового режима в европейском пространстве

В системе многоуровневого управления ЕС политика памяти стремительно «обрастает» достаточно специфическим нормативно-правовым

⁷ См.: Панкевич Н. В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. 2022. № 4. С. 41–67.

каркасом, который отражает динамику силового баланса между центральными институтами объединения, государствами-участниками и их более узкими альянсами. Конфликтный процесс артикуляции возврений на исторические процессы и последующая их формализация в виде правовых установлений свидетельствует о значимости роли, которую память играет в общей стратегии ЕС и собственных стратегиях государств-участников.

Прежде всего важно отметить, что в своем развитии регулирование памяти преодолевает свою замкнутость как специфическая и по большей мере периферийная сфера нормативного действия, в которой правительственные центры реализуют преимущественно компактные программы. В их числе учреждение памятных дней, наименование и переименование объектов, развитие музеиной инфраструктуры и установление мемориальных комплексов, проведение общественных и правительственный акций, связанных с коммеморацией определенных событий, лиц, мест⁸.

Напротив, сегодня проблематика исторической памяти становится одним из центральных и обязывающих факторов в формировании идеологических основ ЕС, его институциональной системы и насыщает своими компонентами целый ряд секторов по всему спектру нормативного регулирования. Так, вопросы исторической памяти вызывают острые дискуссии в области определения фундаментальных свобод граждан Союза, и прежде всего свободы слова, ассоциации, научных исследований и искусства.

Перечисленные принципиально важные для Союза ценности закреплены в ст. 11–13 Хартии основных прав ЕС⁹ и имеют высшую обязывающую силу в правовом пространстве объединения, поскольку рассматриваются как часть общих для государств-членов конституционных традиций¹⁰. Одновременно приоритет защиты смысловых комплексов, связанных с исторической памятью, и разрешения возникающих в этой области конфликтов влечет за собой правовые новации на европейском уровне и в государствах-членах. Фундаментальные свободы оказываются ограничены нормами уголовного законодательства, возникающими в свете ценностного основания, чье значение

⁸ См.: Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 154–171.

⁹ См.: Charter of Fundamental Rights of the European Union (2016/C202/02) // Official Journal of the European Union 202, 07.06.2016, pp. 389–405. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016P/TXT>

¹⁰ См.: Treaty on European Union. Declaration concerning the Charter of Fundamental Rights of the European Union. A 1 // Ibid. Pp. 13–361.

имеет превосходящий характер. Среди них германская *Volksverhetzung*¹¹ – норма о подстрекательстве и разжигании массовой вражды и ненависти, применяемая для случаев отрицания, минимизации или утверждения традиционного характера геноцида в годы Второй мировой войны. Или специализированные нормы о наказании за отрицание Холокоста, принятые во всех странах ЕС¹². В этом развитии опора на историческую память провоцирует дискуссию сочетаемости этого регулятива с принципом верховенства права на европейском уровне и в национальных юрисдикциях¹³.

Внедрение мотивированных историческим опытом норм сопровождается развитием соответствующей правоприменительной практики. Крупные судебные процессы среди прочих компонентов фундаментальных прав проблематизируют вопросы цензуры, защиты деловой и научной репутации. Именно такой характер приобрел международный процесс между американским политическим деятелем и историком Д. Липштадт и британским писателем Д. Ирвингом, который начался в 1996 г. в Высоком суде Великобритании (High Court of Justice) как иск о клевете и закончился в 2006 г. арестом писателя в Австрии, где отрицание Холокоста является уголовным преступлением.

Компонентами исторической памяти определяется вектор развития и реформирования законодательства о гражданстве целого ряда стран ЕС: Португалии и Германии – в части предоставления особых режимов доступа к праву на поселение и гражданству потомкам еврейских общин – жертв гонений и репрессий в ходе средневековой и новейшей европейской истории; Венгрии и Румынии – в части формирования особых форм политической и культурной интеграции и материальной поддержки потомков соотечественников, проживающих за рубежом в результате территориальных изменений по итогам двух мировых войн XX в.; Франции – в свете ее обширного колониального опыта, создающего сегодня значительный иммиграционный приток. Таким образом, обращение к прошлому становится вкладом в становление новых форматов политических сообществ, оперирующих в пространстве поверх и национальных границ, и границ интеграционных объединений.

Вопросы гражданских прав, включая также вопросы собственности, ее переходов, наследования и реституции, также оказываются в прямой

¹¹ См.: Bundesrepublik Deutschland. Strafgesetzbuch. Kapitel 7. § 130. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_130.html

¹² См.: *Fronza E. Memory and Punishment*. The Hague, 2017. P. 217.

¹³ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)). Art. 11. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html#def_1_2

зависимости от решения вопросов исторической справедливости по существу и закрепления соответствующего правового режима реализации данных прав. Опыт политически мотивированного обращения к историческому прошлому Второй мировой войны в Польше здесь чрезвычайно показателен. Формирование особой интерпретации событий этого периода позволило стране осуществить компактную с точки зрения объема вносимых изменений, но громкую реформу национального законодательства о реституции собственности, которая вызвала крупнейшую волну осуждения со стороны ряда государств и общин во всем мире¹⁴.

Что еще более важно – в результате использования специфических подходов к исторической памяти жестко закрепленные итоги исторических процессов сегодня вновь становятся предметами острых межгосударственных конфликтов, требующих вовлечения международных институтов правосудия¹⁵. При этом некоторые из них потенциально открывают принципиально новые подходы к пересмотру итогов Второй мировой войны, включая также и такие ценности международного порядка, как незыблемость государственных границ в Европе. Таков, например, межгосударственный иск Лихтенштейна в Европейском Суде по правам человека против Чехии, в рамках которого правящий дом намерен вернуть в качестве объектов частной собственности земли, утраченные по итогам Второй мировой войны¹⁶.

Изменение нормативных условий и параметров функционирования таких важных сфер общественной жизни, как доступ к архивам и правила опубликования содержащихся в них материалов, принципов формирования кадрового состава органов государственной власти, включая принципы лustrации, также оказывается мотивированным с позиций исторической справедливости.

Конфликты памяти в многоуровневом управлении ЕС

Приведенный список проблемных точек, порождающих масштабные конфликты в пространстве ЕС, не претендует на полноту и может быть продолжен. Обширность номенклатуры проблемных полей свидетельствует о том, что историческая

¹⁴ См.: В Польше приняли «антисемитский» закон о евреях // Lenta.ru. 15.08.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/15/polsha_evrei/

¹⁵ См.: Антонов А. Германия подала на Италию в Международный Суд ООН // Взгляд. 01.05.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/5/1/1156502.html>; Греция насчитала Германии 9 миллиардов евро за Первую мировую войну // РИА Новости. 26.06.2015. URL: <https://ria.ru/20150626/1089279425.html?in=t>

¹⁶ См.: European Court of Human Rights. Liechtenstein v. the Czech Republic, 35738/20, 19.08.2020. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press%7B%22itemid%22:\[%22003-6769236-9041940%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press%7B%22itemid%22:[%22003-6769236-9041940%22]%7D)

память и выработка нормативных представлений о ее составе приобретает характер метафактора, определяющего содержательные и процедурные параметры правовой системы в целом и объема действий, необходимого для адаптаций каждой общественной сферы к определенному режиму.

Одновременно подобная динамика говорит о том, что понимание исторической памяти в данном пространстве обладает выраженным своеобразием. Ни ЕС, ни его субъекты не институционализируют историческую правду как ценность в себе. Сосуществование наряду с централизующим европейским нарративом конфликтующих версий национальных историй и их нормативное оформление в виде «законов о памяти», имеющих обязывающий характер только в отдельных юрисдикциях, отсутствие в рамках ЕС единства в понимании значения крупных исторических событий и процессов сами по себе препятствуют становлению исторической правды и справедливости в том качестве ценностного интегратора, которую она играет в правовом пространстве Российской Федерации.

При этом историческая память предстает также не как область научного поиска и знания и общественной дискуссии, традиционно защищенная академической свободой и свободой слова. Напротив, эта область многократно инструментализируется на всех уровнях и этажах управления. Именно она питает крупные индивидуалистические стратегии продвижения материальных интересов ряда стран — членов ЕС, которые активизируют особые интерпретации собственного прошлого в целях привлечения европейских средств для реабилитации своих социальной и управляемой структуры, экономических комплексов, предположительно деформированных в период до присоединения к ЕС. Однако верно и противоположное: конфликт вокруг интерпретации исторических факторов и процессов не всегда вызван лишь стремлением придать вес определенным прагматическим интересам. Сами различия в исторических взглядах могут служить детерминантой конфликта¹⁷.

Поэтому европейское пространство с достаточной мерой уверенности может быть представлено сегодня как арена «войн памяти»¹⁸, в которых существует и формирует альянсы множество акторов, включая институты единой Европы, государства-участники, народы, меньшинства, группы интересов. Исторические нарративы становятся предметом постоянной пересборки, переосмыслиния, инструментализации и манипуляции исходя

¹⁷ См.: Berger T. U. War, Guilt, and World Politics after World War II. Cambridge, 2012. Pp. 10, 230.

¹⁸ Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017.

из текущих интересов, ресурсных стратегий и потребностей в усилении переговорных позиций в общеевропейской политике.

Очевидно, что вопреки ожиданиям, которые связаны с интегрирующим потенциалом исторической памяти, в условиях жесткого конкурентного процесса ее смысловой комплекс фрагментируется. Однако само понимание европейского проекта как системы, в основе которой лежит идеальный плюрализм¹⁹, создает специфическую дилемму, в рамках которой подобные дискуссии рассматриваются как позитивный вклад в формирование европейской публичной сферы, несмотря на конфликты и поляризацию, которые они привносят²⁰.

Описанная ситуация несет в себе очевидные и весьма существенные риски для предполагаемого идеального единства ЕС. Многоуровневая и многоакторная конкуренция создает условия, когда обращение к исторической памяти в принципе не может выполнять объединяющую роль²¹. Эта проблема осознана самим ЕС. Принятая 17 января 2024 г. резолюция Европейского парламента «О европейском историческом сознании»²² прямо рассматривает историческую память как вызов и одновременно возможность для европейской интеграции (п. А). ЕС констатирует, что проблема конкуренции и несовместимость между различными структурами памяти и культурами воспоминания полностью сохраняет свою значимость в пространстве Европы, принимая форму конфликта между Востоком и Западом, странами и нациями (ст. 6). Документ указывает, что предвзятые интерпретации истории представляют серьезную угрозу для европейского единства. Разжигая недоверие и конфликты между народами и нациями, они подрывают усилия по укреплению исторической справедливости и примирения (п. Е).

Представленной резолюцией Европарламент фиксирует свое намерение бросить вызов «стереотипам и священным коровам национальной истории» и включиться в обновление исторической парадигмы единой Европы на основе «всестороннего осознанного понимания ее запутанного прошлого» (ст. 7). Подобная позиция позволяет утверждать, что на глубоком институциональном уровне историческая память приобретает значение как область, где в настоящее время реализуются объемные сценарии правового и институционального

¹⁹ См.: Treaty on European Union. Art. 2.

²⁰ См.: Sierp A. Europeanising memory: the European Union's politics of memory // Handbook on the Politics of Memory / ed. by M. Mälksoo. P. 88.

²¹ См.: Huyssen A. Present pasts. Stanford, CA, 2003. P. 17.

²² См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)).

строительства, связанные с очередным этапом перераспределения материальных и символических ресурсов и властных полномочий между уровнями и институтами ЕС. В свою очередь, она ставит вопрос, какие адаптации системы сегодня вероятны, и можно ли ожидать здесь кристаллизации форм коллективной согласованной памяти, гарантирующих социальную и культурную сплоченность. И если да, то на каких идейных и институциональных основаниях и в какой содержательной форме.

О центральном акторе режима исторической памяти ЕС

Ответом ЕС на вызов единству со стороны мемориальных войн может стать европеизация памяти как процесс, порывающий с национальными историческими дискурсами, отрицающий их гегемонию и предполагающий их субординацию по отношению к централизующему нарративу Европы²³. Включение в этот процесс Европейского парламента как основного органа союзного правотворчества свидетельствует о стремлении достичь нового качества интеграции объединения на новом витке трансформации мирового порядка.

Решение указанной задачи имеет двойное определение. Во-первых, в стратегической перспективе оно предполагает смену доминирующего оператора исторической памяти и перенос данной компетенции в институты центрального уровня ЕС; во-вторых, требует переосмыслиния идейных комплексов, которые содержательно наполняли повестку европейской интеграции. Первая часть повестки центрирована, таким образом, на формировании режима памяти, вторая — на поиске должного содержания единой европейской исторической парадигмы. Причем данный процесс предполагает взаимоусиление этих двух составляющих, что в практическом смысле означает отбор содержательных комплексов и сюжетов, которые будут прямо способствовать централизации идеологического руководства на уровне ЕС, становлению постнационального режима памяти и укреплению общеевропейской идентичности граждан.

Невозможно утверждать, что данное направление развития приобрело в ЕС необратимый характер. Модель европейского многоуровневого управления имеет ряд характеристик, которые прямо препятствуют становлению единого центра нормирования в области общих для всех участников идеологических настроек.

Общие для Европейского Союза институты испытывают хронический системный дефицит компетенции и статуса для реализации собственных

приоритетов в этой области. Учредительные договоры — Договор о ЕС и Договор о функционировании ЕС — в комплексе с Хартией основных прав ЕС формируют систему, где в соответствии с основополагающими для ЕС принципами субсидиарности и пропорциональности²⁴ национальные государства продолжают оставаться центральным актором во всех областях нормирования, которые не отнесены прямо к компетенции Союза.

В рамках европейской модели задача центральных институтов ЕС сводится к созданию институциональных и режимных условий для интеграции, оставляя за скобками вопросы конкретного содержания исторических парадигм, функционирующих в государствах-участниках. Этим духом насыщен Договор о ЕС, преамбула которого формулирует принцип взаимодействия союзного центра с государствами-участниками исходя из уважения их истории, культуры и традиций. Тот же принцип подтверждают ст. 3.3 и 4.2 указанного Договора об уважении национальной идентичности членов ЕС, выраженной в их политических и конституционных установлениях, культурном и языковом разнообразии. Хартия основных прав ЕС формулирует задачи центральных органов как внесение вклада в развитие общих ценностей, уважая разнообразие культур и традиций народов Европы, их национальную самобытность, и вносит требование толкования прав в соответствии с конституционными традициями государств-участников, а также с учетом норм национального права и практики (преамбула, п. 4 и 6 ст. 52).

Важно учитывать также, что на процедурном уровне полномочия центральных органов ЕС также существенно ограничены учредительными договорами. Сфера исключительной компетенции ЕС узка и не покрывает рассматриваемую проблемную область в принципе. В сфере совместной компетенции Союз уполномочен поддерживать и дополнять действия государств-членов в области культуры, образования, молодежной политики (п. с, е, ф ст. 6 Договора о функционировании ЕС²⁵). Статьи 165, 167 того же Договора и профильные для регулирования в анализируемой области обязывают Союз вносить вклад в процветание национальных культур, уважая их национальное и региональное разнообразие, своеобразие национальных систем образования. При этом действия ЕС в области гармонизации законов и регуляции национальных государств исключены п. 4 и п. 5 указанных статей

²³ См.: Flockhart T. Europeanization or EU-ization? The Transfer of European Norms across Time and Space // Journal of Common Market Studies. 2010. No. 48 (9). Pp. 787–810.

²⁴ См.: Treaty on European Union. Protocol 2. On the Application of the Principles of Subsidiarity and Proportionality.

²⁵ См.: Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. C202/1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016E/TXT>

соответственно. Таким образом, центральные органы ЕС ограничены сервисной функцией по отношению к государствам-участникам, которые являются бенефициарами системы. Собственно, в данном качестве их и институционализируют учреждающие ЕС договоры.

Даже Хартия фундаментальных прав ЕС, принятие которой в принципе есть следствие выхода европеизации за пределы экономической интеграции и свидетельствует о стабилизации ее ценностного измерения, содергит принципиальные оговорки, замыкающие действие центральных органов ЕС в достаточно узком коридоре возможностей. В частности, этот основополагающий документ прямо указывает, что не создает новых полномочий и задач Союза и не расширяет сферу применения законодательства Союза за пределы его полномочий, установленных учредительными договорами (п. 2 ст. 51).

Наконец, с операциональной точки зрения, институты центрального уровня ЕС также остаются слабым актором в области ценностной политики в целом и исторической памяти как ее извода. Данную ситуацию закрепляет Договор о функционировании ЕС. В совокупности его ст. 2–6, 288, Протокол № 25 устанавливают, что в рассматриваемой сфере возможности Европейского парламента сводятся к принятию решений, не имеющих обязательную силу для государств – членов объединения. Поэтому нормативные акты в этой области приобретают форму резолюций, которые можно отнести скорее к актам стратегического планирования. Они отражают мнение Европарламента по вопросам, имеющим высокий политический приоритет, но не подлежащим прямому нормативному действию.

Европеизация исторической памяти: системные и содержательные компоненты

Проведенный анализ показывает, что в сложившихся условиях доминирующим оператором исторической памяти оказываются национальные правительства. Институты центрального уровня ЕС действуют в условиях жестких ограничений, что неизбежно ослабляет их реформирующую систему действие. Именно поэтому действие Союза сконцентрировано не на определении содержательных моментов общей исторической парадигмы, но на установлении общих принципов ее функционирования в потенциально открытом для присоединения пространстве²⁶. Эта характеристика системы формирует достаточно парадоксальную ситуацию, когда «Европа может инкорпорировать

²⁶ См.: Nienass B. Postnational Relations to the Past: a European Ethics of Memory // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2013. Vol. 26. Pp. 41–55.

любое историческое прошлое, но не каждый способ обращения с ним»²⁷.

Однако общее направление системного развития показывает, что за время с момента основания ЕС как объединение, превосходящее сумму своих участников, постепенно находит механизмы, позволяющие компенсировать эту слабость. Изначально концепция европейской интеграции предполагала создание системы, рассчитанной на искоренение возможности европейской войны и сопровождающих ее бедствий²⁸. Практическим решением задачи мирного строительства было исключение гегемонии или доминирования одного ведущего государства на континенте. Умиротворение континента осуществлялось через субординацию государств-основателей интересам общего рынка. Экономический профиль интеграции в принципе не предполагал предоставления центральным органам зарождающегося союза широких полномочий, сопоставимых с компетенциями национального правительственного комплекса национальных государств. Возникающий аппарат был максимально компактным²⁹ и должен был действовать только в рамках прямо отведенных ему полномочий.

Несмотря на то что интегрирующий потенциал общей культуры и наследия и был осознан, о чем говорилось в завершающем коммюнике Парижского саммита 1972 г.,³⁰ продвижение общеевропейского наследия и культуры не имело выраженного политического измерения. Программы, принятые в этот период (например, Европейские культурные столицы 1985 г.), имели в виду только материальные объекты и, по сути, служили средством перенаправления общих средств в национальные юрисдикции.

Продвижение европейского наследия в его нематериальном, духовном и идейном измерении не осуществлялось и, конечно, не рассматривалось как механизм усиления центра. Интеграция никоим образом не предполагала мандата на легитимацию Европы через создание единой концепции истории. По сути,

²⁷ Müller J.-W. Europäische Erinnerungspolitik Revisited // Eurozine. 2007. URL: <https://www.eurozine.com/europaeische-erinnerungspolitik-revisited/>

²⁸ См.: Schuman declaration on 9 May 1950. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59/schuman-declaration-may-1950_en

²⁹ См.: Treaty establishing the European Coal and Steel Community (Paris, 18 April 1951). Art. 5. URL: https://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_coal_and_steel_community_paris_18_april_1951-en-11a21305-941e-49d7-a171-ed5be548cd58.html

³⁰ См.: Commission of the European Communities. The First Summit Conference of the Enlarged Community // Bulletin of the European Communities 1972. No. 10. Pp. 14–16. URL: https://aei.pitt.edu/1919/2/paris_1972_communique.pdf

реальных действий в области формирования полноценной политики общеевропейской памяти не наблюдалось вплоть до 1990-х годов.

Тем не менее уже на ранних этапах интеграции, даже не обладая реальными полномочиями в области профильного регулирования, центральный компонент объединенной Европы формировался как ключевой агент, превосходящий объединяющиеся государства именно в ценностном измерении – как агент мира и институт защиты прав человека. Декларация о европейской идентичности 1973 г. предельно прямо заявляет ошибочность действий европейских государств, сделавших выбор в пользу разобщенности, и говорит о единстве как залоге сохранения европейской цивилизации в целом³¹.

В действующих системных условиях основным механизмом контроля над государствами становится их самоподчинение единому центру через институционализированный комплекс вины за совершенные в прошлом преступления против человека и человечности. Данный способ субординации сохраняет свою значимость и сегодня. Резолюция Европарламента «Об историческом сознании» 2024 г. (п. 26) возлагает надежды на саморефлексию национальных государств в области исторической ответственности, на их добровольный отказ от возможных злоупотреблений исторической памятью во властно-политических целях и совместную работу в формировании «общности судьбы» через преодоление опыта проступка и вины.

Сердцем европейской памяти – «точкой отсчета европейской идентичности и “мифом основания” европейской интеграции»³² – стала и остается по сей день память о Холокосте как крупнейшей катастрофе европейского развития в новейшее время, преодоление которой задает общие этические императивы и формирует перечень ценностей, имеющих нормативное значение для политической Европы. На протяжении многих лет Европейский парламент неоднократно обращался к этой теме в своих резолюциях (в 1993, 1995, 2000, 2005–2006 и 2009 гг.) с тем, чтобы укоренить этот дискурс в качестве официального. Резолюция 1995 г. объявила 27 января европейским днем памяти жертв Холокоста³³.

³¹ См.: Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen // Bulletin of the European Communities. 1973. No. 12. URL: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html

³² Littoz-Monnet A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // Journal of Common Market Studies. 2013. No. 51 (3). P. 489.

³³ См.: European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, antisemitism and racism. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html

Крупнейшим вызовом европейскому единству в области исторической памяти стало присоединение к ЕС стран Центральной и Восточной Европы, которые привнесли собственные видения и оценки исторических процессов и их исходов и выдвинули требования учета их позиции. До сих пор политика европейской памяти центрировалась на отрицании войны и ее последствий для человечества. Новые члены представили послевоенный период как продолжение иностранной оккупации, проявив показательное единство в этой интерпретации социалистического строительства как проекта, навязанного извне враждебным авторитарным режимом, значение которого для региона тождественно значению фашистского и национал-социалистического режимов для стран «старой» Европы.

Очевидно, что стратегия восточных государств – членов ЕС изначально была pragматически мотивирована и имела целью доступ к европейским финансовым фондам. Однако под ударом оказались и центральные смыслы объединения. Необходимо отметить, что согласованная стратегия стран ЦВЕ, направленная на уравнивание освободителей и преступников нацистского режима, местами встретила оппозицию. Страны «старой» Европы, где коммунистические движения и организации внесли решающий вклад в сопротивление – в Греции, Испании, Италии и др., в острый период дискуссии неоднократно высказывали позицию о том, что уравнять в правовом дискурсе нацистскую диктатуру и остальные авторитарные режимы (в том числе в Греции, Испании, Португалии, Италии) – значит в прямом смысле фальсифицировать историю³⁴.

Тем не менее эти позиции были проигнорированы. Пожалуй, впервые в истории ЕС возникла ситуация, когда центральный уровень объединения, представленный Европейским парламентом, смог проявить свой организующий потенциал и выступить в роли медиатора и регулятора реального конфликта в области исторической памяти. Но этот конфликт был осмыслен не как географический между Западом и Востоком, и не как позиционный между старыми и новыми членами сообщества. Это был в полной мере институциональный конфликт, ставкой в котором была центральность во властной и административной структуре ЕС.

Разрешение ситуации наступило с принятием Европейским парламентом в 2009 г. резолюции «О европейском сознании и тоталитаризме»³⁵. В качестве общеевропейского 23 августа (день

³⁴ См.: Sierp A. Op. cit. P. 85.

³⁵ См.: European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html

подписания пакта Молотова – Риббентропа) был учрежден как день памяти жертв сталинизма и нацизма. Далее эта дата трансформировалась в день памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов.

Найденный способ решения конфликта был pragmatically выгоден всем участникам. Страны западного ядра, безусловно, извлекли выгоду, сместив фокус исторической вины и растворив ответственность фашистского режима в обобщающей вине всех авторитарных режимов. Но данная ситуация представляет также интересный образец селекции содержательных компонентов исторической памяти в целях институционального перераспределения ресурсов и полномочий. Национализм, тоталитаризм, авторитаризм, фашизм в европейском дискурсе объединяются в одну категорию: «с точки зрения жертв не имеет значения, какой режим лишил их свободы, пытал или убил по какой-либо причине» (п. N указанной резолюции). При этом они рассматриваются как виновники трагедии геноцида, массового и грубого нарушения прав человека в совершенно определенном качестве – в качестве преступных режимов, установленных государством против своих граждан, а также граждан других стран.

Сформированная идеологема очевидным образом направлена на создание условий, легитимирующих необходимость не только самоограничения суверенных государств, но и их подчинения общему внешнему центру морального регулирования. Данный дискурс сочетается с апелляцией к правам человека – смысловому комплексу, который также есть признанный механизм «вскрытия» национальных правовых режимов и их субординации по отношению к регулятивам, исходящим из внешних по отношению к государствам центров нормирования.

Важное значение в централизации структуры идейного нормирования имеет обращение ЕС непосредственно к гражданам, минуя правительственные центры государств-участников. Длящейся целью ЕС является создание «пространства общих ценностей, которые несовместимы с преступлениями геноцида, преступлениями против человечности и военными преступлениями, включая также и преступления, совершенные тоталитарными режимами»³⁶. Как формулирует этот приоритет резолюция 2024 г. «О европейском историческом сознании», актуальная задача ЕС – становление восходящей и ориентированной на граждан «культуры памяти» в противовес нисходящей и обязывающей культуре

³⁶ The Stockholm Programme – An Open and Secure Europe Serving and Protecting Citizens // Official Journal of the European Union. 2010. 4 May. P. 8. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010XG0504\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010XG0504(01))

индоктринации, связанной с деятельностью правительственный центров (п. 9).

Институциональная подоплека подобной стратегии вполне прозрачна и работает на укрепление нормативного лидерства центральных институтов Союза. Опора непосредственно на граждан Союза как новую политическую общность создает предпосылки для становления более централизованных форматов управления. Реализации данной стратегии способствовала принятая в 2014 г. Еврокомиссией программа «Европа для гражданина», в состав которой входил особый блок «Активная европейская память». Несмотря на достаточно скучное финансирование, программа примечательна тем, что смогла изъять содержательную сторону политики памяти из состава монополии национальных правительств и их систем образования, воспитания и индоктринации и объединить ее с идеями демократического и гражданского участия.

Сегодня ту же линию продолжает принятая в 2021 г. программа «Граждане, равенство, права и ценности» (CERV) под руководством Европейского исполнительного агентства по образованию и культуре (EACEA), рассчитанная до 2027 г. Ее заявленной целью является смещение акцента с национальной на европейскую и глобальную историю и на основе инновационных способов преподавания – обеспечение ее наднационального понимания (п. J; ст. 8, 12, 23 резолюции 2024 г. «О европейском историческом сознании»³⁷).

Европейская историческая память во внешнеполитическом измерении

Принципиально важно также, что европейская политика памяти в совокупности национальных и наднациональных процессов не является инструментом исключительно внутреннего развития, но также функционирует в составе комплекса механизмов влияния на страны периферии³⁸. Внешнеполитический вектор отражен в резолюции Европарламента 2024 г. «О европейском историческом сознании», которая помимо институтов ЕС и государств-членов обращена к странам-кандидатам и предполагаемым кандидатам, которым предложено бороться с историческим ревизионизмом и избегать любых попыток инструментализации истории в политических целях (п. 24). Документ откровенен в том, что эти действия создают предпосылки для будущего расширения Союза. Хотя в настоящее время этот вариант развития и заторможен, совершенно очевидно, что

³⁷ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)).

³⁸ См.: Pankevich N.V. Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects // Beiträge zum Ausländischen und Internationalen Privatrecht. 2019. Band. 127. S. 255–284.

ЕС от него не отказался и рассматривает европейскую историческую память как основу работы «по созданию демократических и инклюзивных обществ в Европейском Союзе и во всем мире» (п. 2), основу взаимопонимания «между европейскими странами и остальным миром» (п. 10).

Необходимо отметить, что в области внешней политики центральный компонент управленческой системы ЕС имеет более весомый мандат, нежели в области внутриевропейского нормирования. Согласно Договору о ЕС укрепление общеевропейской идентичности и ее независимости есть прямая мера содействия миру, безопасности и прогрессу в Европе и во всем мире (преамбула). В представленной трактовке данный ресурс общности здраво секьюритизируется и служит продвижению интересов Союза во внешних пространствах, что является прямой целью Союза (п. 1 ст. 3 Договора о ЕС). В связи с этим Союз берет на себя обязанность развивать особые отношения с соседними странами, стремясь создать «зону процветания и добрососедства, основанную на ценностях Союза» (п. 1 ст. 8 Договора о ЕС). Договор формулирует также и принципы, которые он стремится продвигать во всем мире. К ним относятся демократия, верховенство закона, универсальность и неделимость прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права (п. 1 ст. 21).

Осознание себя в качестве крупнейшей «нормативной державы»³⁹, стремящейся к комплексной трансформации европейского континента, прямо санкционирует инструментализацию исторической памяти в отношении стран периферии и третьих стран⁴⁰. В этом стремлении Европа представляет себя активным и последовательным ценностным предпринимателем: «Евросоюз готов защищать мир и демократию как внутри сообщества, так и за его пределами»⁴¹.

Внешнеполитическая направленность политики памяти отчетливо проявила себя в годы поступательного расширения ЕС. Помимо духовного измерения эта стратегия имеет и выраженную пространственно-географическую сферу применения, связанную с определением внешних границ и условий членства и сотрудничества с этим

объединением. В процессе подготовки к вступлению в Союз страны-кандидаты должны были обеспечить соответствие целому ряду формальных (т.н. копенгагенских) критериев, что предполагало массивный трансфер и имплементацию в национальные правовые порядки целого ряда европейских правовых комплексов. И хотя адаптация национальной исторической парадигмы к требованиям ЕС никогда не входила в число этих критериев, странам-кандидатам предъявлялись и своеобразные «мягкие», но при этом обязывающие требования «встретиться со своей памятью» и «выучить уроки прошлого». Согласно этой позиции, национальные исторические парадигмы должны быть приведены в соответствие с европейским стандартом наряду с нормами, регулирующими экономические отношения, государственное управление и т.д.

С подобным вызовом как кандидат на вступление в ЕС встретилась Турция. В отношении страны принципиальным требованием, критерием «европейскости» и индикатором готовности к вступлению в ЕС⁴² среди прочих многочисленных требований было признание страной геноцида армян 1915–1923 гг.⁴³ Сам ЕС сделал этот шаг уже в 1987 г. с принятием соответствующей резолюции Европарламентом⁴⁴ и неоднократно подтверждал свою позицию впоследствии. В отдельных странах Союза, особенно Франции и Германии, «армянский вопрос» также породил и до сих пор питает мощные антитурецкие кампании на уровне национальных парламентов. Хотя, в отличие от отрицания Холокоста, эти движения и не привели, несмотря на многочисленные законопроекты, к появлению специализированных норм, предусматривающих криминализацию отрицания факта этого геноцида.

В данном случае становится очевидным значительный травмирующий потенциал европейской политики памяти в отношении внешних пространств, поскольку присоединение к европейскому проекту требует в том числе осознанных и последовательных действий вплоть до пересмотра национальной исторической парадигмы. Последнее далеко не в каждом случае является приемлемым для целевых стран и обнаруживает явные geopolитические устремления политики памяти ЕС. Совершенно очевидно, что для Турции будет

³⁹ Whitman R. Normative Power Europe. Palgrave McMillan, 2011.

⁴⁰ См.: Панкевич Н. В. Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 630–647.

⁴¹ The European Parliament. Resolution on a day to commemorate the Holocaust // Official Journal of the European Communities. 03.07.1995. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7622aa58-21bc-445c-b820-760d6303555a/language-en>

⁴² См.: Committee on Foreign Affairs. On Turkey's progress towards accession, 2006 (2118(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-6-2006-0269_EN.html

⁴³ См.: European Parliament. Resolution on the opening of negotiations with Turkey, 2005 (P6_TA(2005)0350). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0350_EN.html

⁴⁴ См.: European Parliament. On a Political Solution of the Armenian Question, 1987 (Doc. A2-0033/87). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2005/10/26/91fbffca-0721-49d5-9e53-f95393d470b2/publishable_en.pdf

совершенно неприемлема предложенная Европой трактовка геноцида как акта, лежащего в основе ее современной национальной государственности.

Антироссийский вектор в политике памяти ЕС

Эта и подобные ситуации вскрывают наступательный характер европейской исторической парадигмы. Институционализированная память о Холокосте и иных преступлениях против человечности задает специфическую парадигму европейского каталога ценностей и идейную платформу ее действий во внешних пространствах⁴⁵. Но помимо того, что ценности, связанные с исторической памятью, служат самоограничению Европы от других пространств, они же санкционируют ее активную внешнеполитическую деятельность, в том числе в отношении стран, которые никогда не претендовали на вхождение в ЕС. Прошлые преступления европейских стран против прав человека и человечности дают своего рода санкцию на подобное влияние и вмешательство. Достаточно сказать, что все ситуации активного участия единой Европы в конфликтах – в Югославии, Ираке, Косово, Сирии, Руанде, Афганистане – легитимировались именно с позиций опыта Холокоста. Если этот опыт имеет универсальное значение, то экстраполиториальные стратегии Европы не только возможны, но и морально санкционированы.

Нельзя обойти вниманием и прямые действия, направленные на трансформацию, а в ряде случаев на прямое искажение непосредственно исторических парадигм в целевых для ЕС странах, включая Российскую Федерацию. Ключевые резолюции Европейского парламента достаточно откровенно формулируют данное направление в общей повестке ЕС. Резолюция 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы»⁴⁶, адресатом которой среди прочих стала Государственная Дума ФС РФ (ст. 22), дает весьма специфическую интерпретацию причин Второй мировой войны. Текст документа уравнивает нацистскую Германию и СССР в качестве ее виновников (п. В; ст. 2). Коммунистический режим СССР называется ответственным за «аггрессивную войну против Финляндии, оккупацию и аннексию части Румынии – территории, которые так и не были возвращены, аннексии независимых республик Литвы, Латвии и Эстонии» (п. С), а также их послевоенную «оккупацию», которая лишила страны региона «свободы, суверенитета, достоинства, прав человека и социально-экономического развития» (п. D;

⁴⁵ См.: Assmann A. Europe: A Community of Memory // GHI Bulletin. 2007. No. 40. P. 14.

⁴⁶ См.: European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

ст. 3). При этом п. К указанной резолюции говорит о ревизионизме российских властей, которые отрицают ответственность за подписание СССР Пакта Молотова – Риббентропа и «продвигают мнение, что Польша, страны Балтии и Запад являются истинными зачинщиками Второй мировой войны».

Весьма характерна попытка применения к Российской Федерации той же техники вмененной вины, которая применяется к странам – членам ЕС в целях их субординации. Статьи 15 и 16 резолюции 2019 г. утверждают, что российское руководство «предпринимает усилия по искажению исторических фактов и обелению преступлений, совершенных советским тоталитарным режимом». А также, что превращение России в демократическое государство «будет затруднено до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда продолжают обелять преступления коммунистов и прославлять советский тоталитарный режим». Резолюция 2024 г. «О европейском историческом сознании» также содержит специальную статью, которая отражает оценку действий российских властей по защите исторической правды и памяти. Пункт 21 обвиняет российский исторический ревизионизм как средство ведения «аггрессивной войны против Украины» путем «политических манипуляций и дезинформации», в том числе с использованием цифровых каналов.

Нет сомнений и в том, что повестка ЕС не исчерпывается только констатацией своих установок и вынесения отрицательных оценок той исторической парадигме, которая принята сегодня в нашей стране, но и предполагает конкретные действия по ее трансформации. Более ранняя резолюция Европарламента 2009 г. «О европейском сознании и тоталитаризме»⁴⁷, которая пронизана тем же содержанием, прямо указывает, что в этих целях Совет и Комиссия ЕС должны поддерживать деятельность неправительственных организаций, занятых исследованиями и сбором документов, связанных с преступлениями, совершенными в сталинский период (п. 11). Назывался и конкретный исполнитель данной задачи – организация-иноагент, которая в 2021 г. была ликвидирована решением Верховного Суда РФ⁴⁸.

Обращенный к современной России компонент европейской исторической памяти позволяет сделать несколько выводов относительно качества европейской исторической парадигмы. Во-первых,

⁴⁷ См.: European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. P6_TA(2009)0213. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html

⁴⁸ См.: Верховный Суд РФ. Решение. Дело № АКПИ21-969, 28.12.2021. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2075644

очевидно, что здесь мы сталкиваемся с явлением политики двойных стандартов, обращенных внутрь и вовне объединения. Пафос резолюции 2024 г. «О европейском историческом сознании» заключается в тезисе о том, что «история никогда не должна быть релятивизирована, искажена или фальсифицирована в политических целях» (п. Д.); что обращение к прошлому требует беспристрастности и объективности как в науке, так и политической активности (п. F); что «не существует единой монолитной, бесспорной и вечной “исторической истины”, которую одна группа или нация могла бы монополизировать или использовать для отрицания существования других народов, наций или государств» (п. Н). При этом режим диалога, взаимопонимания и уважения в области исторического сознания, который служит для преодоления региональных и идеологических различий (п. 6), резервируется для внутреннего употребления в пространстве ЕС. В то время как для внешних пространств формируются принципиально противоположные требования и практики, применяемые в одностороннем режиме. Единственный приемлемый вариант коммуникации с Европой для целевых стран с этой точки зрения сводится к действиям, которые ведут национальную историческую парадигму к конформному с европейским содержательному формату. Все это позволяет говорить, что наряду с другими механизмами доминирования историческая память включена в арсенал средств Европы как геополитического проекта.

Во-вторых, становится понятной и конкретная направленность этого проекта. «Значимым другим» для формирования европейской идентичности становится Российская Федерация. Именно в ее отношении формируются стратегии ограничения и идейного конфликта. К ней обращены смысловые комплексы тоталитарных и авторитарных режимов, диктатур, противодействие которым ЕС рассматривает как фактор для повышения устойчивости Европы к современным внешним угрозам (п. L резолюции 2019 г.). Пункт 14 той же резолюции примечателен риторикой, согласно которой вступление стран Восточной и Центральной Европы в ЕС и НАТО знаменовало их *возвращение* в европейскую семью свободных демократических стран. Примененный смысловой комплекс позволяет утверждать, что в данном видении Российская Федерация принципиальным образом отлична от этих стран и является носителем тех практик, идей и смыслов, которые отрицаются ЕС.

Последнее указывает одновременно на принципиальный характер конфликта, который разворачивается сегодня на континенте, и на то, что конфликт имеет отнюдь не спонтанный или конъюнктурный характер. Его основы в идейном поле закладывались длительно

и методично, а потенциальные цели включают не только прагматические интересы в сфере экономики, но и коренную трансформацию самопонимания российского общества. В ряде случаев речь идет о намеренном искажении и фальсификации тех компонентов исторической памяти, которые в российском обществе рассматриваются как священные. В частности, это абсолютно неприемлемое уравнивание нацистского режима и советской власти в годы Великой Отечественной войны. Но круг подобных сюжетов шире и включает, например, искажение фактической стороны голода 1930-х годов. У нас данный период осмыслен как общая трагедия российской деревни, но получил весьма специфическую, связанную со смысловым комплексом геноцида оценку и окраску в европейской историографии.

Возникающее противостояние требует системного и последовательного противодействия со стороны всех органов и ведомств российского государства и общества, как во внешнеполитическом аспекте, так и внутри страны.

Заключение

Проведенный анализ функционирования исторической памяти ЕС и ее правового оформления предполагает несколько выводов. Первый из них касается явления мнемонического конституционализма, ценности которого предположительно защищает проект европейской интеграции и которые связаны с отказом от релятивизации истории и ее использования в политических интересах. Анализ показывает, что, несмотря на прокламируемую значимость этого принципа, на уровне ЕС подобное состояние не обрело реальности. Ценостное самоограничение центральной власти не наступает в силу того, что мнемонические стратегии стран-участников являются наступательными, а сами страны остаются центральным актором политики памяти. В этих условиях в рамках ЕС само явление мнемонического конституционализма приобретает скорее негативную окраску, поскольку его ассоциируют с теми странами-участниками, которые наиболее последовательны в защите национальных исторических парадигм и не спешат создать конформные с европейским проектом их версии.

Второй вывод касается качества европейского пространства памяти. Оно остается пространством конфликта, в котором центр объединения вынужден искать компенсаторные механизмы для примирения конфликтов. В этих целях он осуществляет селекцию компонентов исторической памяти, которые имеют потенциал усиления центрального нормирования и потенциального изъятия полномочий у национальных государств. При этом, несмотря на определенный прогресс, политический

центр ЕС остается институционально слабым актором политики памяти.

Подобная ситуация предрасполагает ЕС к укоренению политики памяти в области внешнеполитической компетенции объединения. Становление европейского единства происходит в режиме радикального ценностного ограничения от соположенных государств и их объединений. В условиях реального политического процесса эта практика служит формированию представлений о пространственных лимитах Европы, задавая возможности участия в объединении и пределов коммуникации с ним. Трансформация национальных исторических парадигм в этом смысле становится одним из многих механизмов проекта геополитического доминирования и ведет к возрастанию объемов требований к государствам периферии и другим участникам международной системы вплоть до совершенно неприемлемых.

В этом ключе практическая деятельность ЕС на внешнем направлении политики памяти резко контрастна принципам, которые он заявляет в качестве руководящих. Резолюция Европейского парламента 2024 г. «О европейском историческом сознании»⁴⁹ (п. 3) определяет ответственный и критический подход к истории непременным условием функционирования любого демократического политического органа. Диалог и дискуссия в области исторической памяти, отказ от релятивизации и монополизации истории оказываются забыты. Российская Федерация вынужденно играет для Европы роль «значимого другого». Ее историческая парадигма подвергается неконструктивной критике и становится объектом отрицания и практических действий по ее исказению. Такая практика демонстрирует свой мощный конфликтный потенциал и в конечном счете ведет к компрометации европейской политики добрососедства и заявленных объединением ценностей уважения принципов ООН и приверженности международному праву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин С.Н. Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 40–47.
2. Дериглазова Л. В. «Распалась связь времён»: ЕС и Россия в поисках себя во времени // Россия в глобальной политике. 2023. № 5. С. 124.
3. Панкевич Н. В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. 2022. № 4. С. 41–67.

⁴⁹ См.: European Parliament. Resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html#def_1_2 (здесь и ранее – дата обращения: 18.07.2024).

4. Панкевич Н. В. Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 630–647.
5. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 154–171.
6. Arendt H. Crises of the Republic: Lying in Politics; Civil Disobedience; On Violence; Thoughts on Politics and Revolution. New York, London, 1972. P. 161.
7. Assmann A. Europe: A Community of Memory // GHI Bulletin. 2007. No. 40. P. 14.
8. Belavusau U. Law and the Politics of Memory // Handbook on the Politics of Memory / ed. by M. Mälksoo. Edward Elgar, 2023. Pp. 65–80.
9. Benhabib S. The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens. New York, 2004. Pp. 2, 11, 211.
10. Berger T. U. War, Guilt, and World Politics after World War II. Cambridge, 2012. Pp. 10, 230.
11. Flockhart T. Europeanization or EU-ization? The Transfer of European Norms across Time and Space // Journal of Common Market Studies. 2010. No. 48 (9). Pp. 787–810.
12. Fronza E. Memory and Punishment. The Hague, 2017. P. 217.
13. Held D. Law of States, Law of Peoples: Three models of Sovereignty // Legal Theory. 2002. No. 8. Pp. 1–44.
14. Huyssen A. Present pasts. Stanford, CA, 2003. P. 17.
15. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017.
16. Littoz-Monnet A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // Journal of Common Market Studies. 2013. No. 51 (3). P. 489.
17. Müller J.-W. Europäische Erinnerungspolitik Revisited // Eurozine. 2007. URL: <https://www.eurozine.com/europaische-erinnerungspolitik-revisited/> (accessed: 18.07.2024).
18. Nienass B. Postnational Relations to the Past: a European Ethics of Memory // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2013. Vol. 26. Pp. 41–55.
19. Pankevich N. V. Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects // Beiträge zum Ausländischen und Internationalen Privatrecht. 2019. Band. 127. S. 255–284.
20. Sierp A. Europeanising memory: the European Union's politics of memory // Handbook on the Politics of Memory / ed. by M. Mälksoo. Edward Elgar, 2023. P. 85, 88.
21. Whitman R. Normative Power Europe. Palgrave MacMillan, 2011.

REFERENCES

1. Baburin S.N. Axiological transformation of modern Russian constitutionalism // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 40–47 (in Russ.).

2. *Deriglazova L.V.* “The link of time has broken up”: The EU and Russia in search of themselves in time // *Russia in global politics*. 2023. No. 5. P. 124 (in Russ.).
3. *Pankevich N.V.* The state in the political space and the spatiality of alternative political forms // *Political Science*. 2022. No. 4. Pp. 41–67 (in Russ.).
4. *Pankevich N.V.* Political values in the European post-Soviet space: identity and sovereignty in the face of integration processes // *Herald RUDN. Ser.: Political science*. 2021. Vol. 23. No. 4. Pp. 630–647 (in Russ.).
5. *Rusakova O.F., Gribovod E.G., Moiseenko Ya. Yu.* Discourse of memory politics: studies of symbolic aspects // *Discourse-Pi*. 2022. Vol. 19. No. 2. Pp. 154–171 (in Russ.).
6. *Arendt H.* Crises of the Republic: Lying in Politics; Civil Disobedience; On Violence; Thoughts on Politics and Revolution. New York, London, 1972. P. 161.
7. *Assmann A.* Europe: A Community of Memory // *GHI Bulletin*. 2007. No. 40. P. 14.
8. *Belavusau U.* Law and the Politics of Memory // *Handbook on the Politics of Memory* / ed. by M. Mälksoo. Edward Elgar, 2023. Pp. 65–80.
9. *Benhabib S.* The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens. New York, 2004. Pp. 2, 11, 211.
10. *Berger T.U.* War, Guilt, and World Politics after World War II. Cambridge, 2012. Pp. 10, 230.
11. *Flockhart T.* Europeanization or EU-ization? The Transfer of European Norms across Time and Space // *Journal of Common Market Studies*. 2010. No. 48 (9). Pp. 787–810.
12. *Fronza E.* Memory and Punishment. The Hague, 2017. P. 217.
13. *Held D.* Law of States, Law of Peoples: Three models of Sovereignty // *Legal Theory*. 2002. No. 8. Pp. 1–44.
14. *HuysSEN A.* Present pasts. Stanford, CA, 2003. P. 17.
15. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017.
16. *Littoz-Monnet A.* Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // *Journal of Common Market Studies*. 2013. No. 51 (3). P. 489.
17. *Müller J.-W.* Europäische Erinnerungspolitik Revisited // *Eurozine*. 2007. URL: <https://www.eurozine.com/europaische-erinnerungspolitik-revisited/> (accessed: 18.07.2024).
18. *Nienass B.* Postnational Relations to the Past: a European Ethics of Memory // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2013. Vol. 26. Pp. 41–55.
19. *Pankevich N.V.* Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects // *Beiträge zum Ausländischen und Internationalen Privatrecht*. 2019. Band. 127. S. 255–284.
20. *Sierp A.* Europeanising memory: the European Union’s politics of memory // *Handbook on the Politics of Memory* / ed. by M. Mälksoo. Edward Elgar, 2023. P. 85, 88.
21. *Whitman R.* Normative Power Europe. Palgrave MacMillan, 2011.

Сведения об авторе

ПАНКЕВИЧ Наталья Владимировна –
 кандидат политических наук,
 научный сотрудник сектора философии
 права, истории и теории государства и права
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PANKEVICH Natalia V. –
 Candidate of Political Sciences,
 Researcher of the Philosophy of Law,
 History and Theory of State and Law Sector,
 Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia